

УДК 39(571.6)

Оленеводческое хозяйство коренных народов Дальнего Востока в современных условиях*

В. А. Тураев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Аннотация. Рассмотрен процесс трансформации оленеводческого хозяйства коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях становления рыночной экономики. Проанализированы общественные настроения, сопутствующие трансформационным процессам, региональные особенности реорганизации советских оленеводческих хозяйств, специфика управления оленеводством в новых условиях, современное состояние оленеводческих предприятий различных организационно-правовых форм, проблемы, с которыми сталкивается оленеводство Дальнего Востока. На основе проведенного анализа сделан вывод, что стремление вывести оленеводство за рамки рыночной экономики, развивать его исключительно как базу традиционного образа жизни коренных народов не принесет ожидаемых результатов.

Ключевые слова: оленеводство в условиях рыночных реформ, коренные малочисленные народы Дальнего Востока.

Введение

С оленеводством на Дальнем Востоке исторически связаны семь коренных народов – чукчи, коряки, эвены, эвенки, юкагиры, чуванцы и ороки (уильта). У кочевых чукчей, коряков, чуванцев и эвенов оленеводство являлось основным источником жизнеобеспечения. У юкагиров, эвенков, ороков, части эвенов преобладающее значение в жизнеобеспечении имели охота и рыболовство, однако оленеводство воспринималось как важнейший этнокультурный и этнообразующий фактор.

К началу формирования рыночной экономики в СССР Дальний Восток был основным оленеводческим регионом России. На 1 января 1985 г. здесь выпасалось 38,3 % всего поголовья северных домашних оленей в стране – 844,3 тыс. [Народы Севера ... , 1992, с. 192]. В общественном секторе, главным образом в совхозах, находилось 95 % оленей. Небольшие стада имелись в двух колхозах Хабаровского края (им. XX партсъезда им. 25 Октября), колхозе им. Горького и госпромхозе «Карагинский» на Камчатке. Пастухам принадлежали 39,7 тыс. оленей. По числу оленей Магаданская область с Чукотским автономным округом занимали первое место в РСФСР.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке программы Президиума ДВО РАН «Историко-культурные и этносоциальные основы исторического процесса на Дальнем Востоке». Проект № 15-1-9-006.

За годы советской власти социальная сущность оленеводства кардинально изменилась. Из образа жизни значительной части коренных народов оно превратилось в профессию, которая во многом стала определять и этническую идентичность. В постсоветский период наблюдается обратный процесс – оленеводство в массе своей перестает быть профессией, трансформируясь в образ жизни очень немногочисленной части коренного населения. Анализ особенностей такой трансформации в совокупности ее составляющих и посвящена настоящая статья.

Общественные настроения как фактор трансформации оленеводства

Начало процессу трансформации было положено государством, взявшим курс на разгосударствление экономики, приватизацию государственной собственности и переход к рыночным отношениям. Непосредственным толчком стала хозяйственная реорганизация оленеводческих совхозов, других государственных и кооперативных хозяйств, в рамках которых осуществлялась жизнедеятельность коренных народов. Большинство этих хозяйств успешно работали благодаря государственным дотациям. Закупочная цена на оленину до 1990 г. в 10–15 раз превышала цену ее реализации. Государство платило совхозам за килограмм оленины до 25 руб., продавали ее по 1,9 руб. [Народы Севера ... , 1992, с. 252]. Дотировалось и производство другой северной продукции.

Отказ государства от финансовой поддержки не означал для многих совхозов смертного приговора. Имелись хозяйства, которые могли успешно вписаться в новые экономические условия, если бы не сопутствующие обстоятельства. Не меньшим ударом, чем отмена дотаций, оказалась ликвидация системы заготовки и сбыта продукции оленеводства. Оставшись без рынка сбыта, даже самые благополучные совхозы вынуждены были сворачивать производство. Ситуация обострялась массовым оттоком населения. На Чукотке численность населения сократилась в 1989–2002 гг. со 160 тыс. чел. до 50 тыс., в Корякском округе – с 45 до 22 тыс. В некоторых районах Хабаровского края осталось всего 3–4 тыс. чел. Уехали не просто люди, уехали потребители местной продукции сельского и промыслового хозяйства. Те, кто остался, очень скоро стали безработными.

Многие национальные села в эти годы выживали за счет гуманитарной помощи. На Чукотке население прибрежных поселков от голода спасала Аляска. Продукты на мыс Шмидта возили на собачьих упряжках из Анкориджа [ГАЧАО, ф. 5, оп. 1, д. 151, л. 8]. Жителей учили искать подножный корм. В корякском селе Лесная в зиму 1998 г. единственными продуктами питания были картошка и испорченная из-за недостатка соли рыба. В продаже не было муки, сахара, круп, чая. Не работали котельная и дизельная электростанция. Новый 1999 г. жители встречали при жирниках. В январе 1995 г. чрезвычайная ситуация сложилась в чукотских селах Энурмино, Нешкане, Инчоуне и Уэлене. Жители остались без топлива и продуктов. Люди собирали плавник, деревянную тару, разбирали на топливо обветшалые дома

[ГАРФ, ф. 10290, оп. 1, д. 968, л. 8–10]. Подобное пережили в 1990-е гг. десятки национальных сел во всех регионах Дальнего Востока. По оценкам старожилов, такого не было даже в годы Великой Отечественной войны.

Пагубную роль для оленеводческих совхозов сыграло увлечение заготовкой пантов северных оленей. В последние годы существования СССР совхозы стали работать на условиях полного хозяйственного расчета, получили право выходить со своей продукцией на международный рынок. Особым спросом пользовались панты северных оленей. Их цена доходила до 240 долл. за 1 кг. Российские «севера» охватила пантовая лихорадка. Заготовку пантов вели даже в плодовых стадах. К началу 1990-х гг. в России ежегодно заготавливали до 100 т пантов, в том числе на Чукотке и в Магаданской области – 30 т. Выброс на рынок такого количества продукции обрушил цены, низкое качество пантов привело к лицензированию. В 1993 г. Южная Корея – один из главных потребителей российских пантов – вообще запретила их импорт из-за низкого качества [ГАЧАО, ф. 5, оп. 1, д. 57, л. 20; д. 87, л. 3].

Пантовый бизнес нанес огромный ущерб оленеводству, пагубно отразился на воспроизводстве поголовья, способствовал распаду совхозной системы. От реализации пантов у совхозов появилась валюта. Вместо того чтобы использовать ее на действительно необходимые для развития цели, на нее стали приобретать дефицитные импортные товары и бытовую технику¹. Дележ дефицита всегда кажется несправедливым. В надежде на скорое обогащение у многих оленеводов появилось искушение отказаться от совхозной формы организации оленеводства, работать «малыми кучками», что и стало одним из побудительных мотивов к распаду совхозной системы.

Нельзя не сказать и еще об одном сопутствующем обстоятельстве. В конце 1980-х гг., когда отношение государства к частной собственности стало меняться, некоторые оленеводы вспомнили об оленях, обобществленных в годы коллективизации. Подобные настроения имели место во многих районах Дальнего Востока. В мае 1991 г. «вернуть оленей в собственность тех, кому они изначально принадлежали» требовала председатель Бомнакского сельского совета (Амурская область) Е. Колесова на сессии Зейского райсовета [АОЗРА, ф. 1, оп. 1, д. 659, л. 20]. С аналогичным требованием выступали оленеводы совхоза «Карагинский» на Камчатке. Их требование даже рассматривалось в суде [Жорчмит, 2001, с. 313]. Переход к частному оленеводству воспринимался, к тому же, как возвращение к традициям, ставшее весьма популярным среди коренного населения к началу 1990-х гг.

Росту таких настроений во многом способствовали средства массовой информации. Критикуя, иногда вполне справедливо, многое из того, что принесла с собой в жизнь коренных народов советская власть, они не только ставили под сомнение такие перемены, но и рисовали мифический «золотой век» традиционной жизни, которого никогда не существовало. К популярно-

¹ «Панты, как в древнее время золото, меняем на топоры и бусы» – самокритично признавались некоторые руководители оленеводческих районов [Хаховская, 2008, с. 115].

зации этого мифа приложили руку и этнографы. Избавившись от необходимости славить достижения КПСС по части ликвидации политической и культурной отсталости коренных народов, они с неменьшим энтузиазмом принялись восторгаться традиционной культурой и образом жизни, рассматривая их как инструмент «национального возрождения». В этот возрожденческий тренд вполне вписывалось и частное оленеводство. На таком общественном фоне и происходили изменения хозяйственной структуры.

Региональные особенности трансформации оленеводческого хозяйства

Процесс реорганизации совхозной системы начался в 1991 г. В рекомендациях о порядке выхода работников из сельскохозяйственных предприятий, наделении их земельными участками и производственными фондами, утвержденных Министерством сельского хозяйства и Госкомземом РСФСР в январе 1991 г., подробно расписывалась процедура реорганизации. Каждый работник имел право выйти из хозяйства без согласия трудового коллектива или администрации. Проработавшие в совхозе не менее одного года и пенсионеры с двадцатилетним стажем работы в хозяйстве имели право на долю производственных фондов (пай). Его размер определялся по специальной формуле и зависел от стажа работы и трудового вклада (заработной платы). У тех, кто имел большой стаж работы и высокую зарплату, пай мог достигать 50 тыс. руб. и больше – очень крупные по тем временам деньги. Выйти из совхоза работник мог, однако, лишь с денежным наделом. Основные производственные фонды (техника, олени и пр.) могли передаваться только юридическим лицам – официально зарегистрированным предприятиям, общинам, фермерским хозяйствам и т. п.

Преобладающей формой реорганизации совхозов во всех регионах Дальнего Востока на начальном этапе была фермеризация. Пастухи с причитающимися по паям оленями объединялись в фермерские хозяйства, чаще всего на базе существующих оленеводческих бригад. Превращаться в фермеров буквально заставляли. Образование фермерских хозяйств не всегда означало ликвидацию совхоза. Многие продолжали существовать в урезанном виде, трансформируясь со временем в предприятия других форм собственности. Кроме фермерских хозяйств на базе совхозного оленеводства создавались и другие типы хозяйств: сельскохозяйственные производственные кооперативы, коллективные долевые и общинные объединения. В разных районах этот процесс имел свои особенности.

В Хабаровском крае в процессе реорганизации совхоза «Нельканский» (Аяно-Майский район) возникло 16 различных предприятий, оленеводы образовали национальную производственную общину «Оленевод», ей были переданы 9300 совхозных оленей. Небольшая часть оленей досталась другим хозяйственным образованиям, которые продали их общине «Оленевод». Оленеводческий совхоз «Чумиканский» (Тугуро-Чумиканский район) после выделения частных хозяйств и смены формы собственности превратился в национальный сельскохозяйственный производственный кооператив

(НСПК) «Чутган». В Охотском районе на базе колхозов им. XX партсъезда и им. 25 Октября возникло несколько национальных общин и фермерских хозяйств. Небольшое стадо оленей долго сохранялось в колхозе им. 25 Октября. После его банкротства возникла территориально-соседская община (ТСО) «Виточан», относительно успешно работавшая до 2014 г.

Из пяти оленеводческих совхозов Амурской области на первом этапе подверглись реорганизации два – «Заря» (с. Первомайское) и «1 Мая» (Усть-Уржима). Вместо них были созданы одноименные сельскохозяйственные предприятия. Совхозы «Ударник» (с. Бомнак), «Ленин Октон» (с. Усть-Нюкжа) и «Улгэн» (с. Ивановское) продолжали работать до конца 1990-х гг., но отсутствие господдержки, диспаритет цен, ликвидация системы закупки и реализации продукции северного хозяйства привели и их к экономической несостоятельности. В результате очередной реорганизации совхоз «Ленин Октон» стал колхозом «Нюкжа», «Улгэн» – областным государственным унитарным предприятием (ОГУП), после банкротства совхоза «Ударник» возникло ООО «Бомнак».

Оленеводство на Сахалине к началу рыночных реформ уже находилось на грани исчезновения. Проблемы начались еще в 1960-е гг. Строительство железной дороги, бурение скважин и связанные с промышленным вторжением пожары уничтожили большинство пастбищ на севере полуострова. Сказался и дефицит пастушеских кадров. Оленей некому было пасти, и администрация совхоза «Оленевод» ввела вольный выпас оленей. В результате большинство совхозного стада одичало и стало добычей охотников. После ликвидации совхоза оленеводство сохранили несколько семей, вошедших в состав малого предприятия «Вал», ныне сельскохозяйственный кооператив «Валетта».

На Чукотке некоторые совхозы полностью распались на фермерские хозяйства. Совхоз «Канчаланский» превратился в 13 фермерских хозяйств, 9 фермерских хозяйств возникло в совхозе «Омолон», 6 – в совхозе им. XX съезда партии и т. п. На базе совхоза «Большевик» Чаунского района было создано фермерское хозяйство «Ичунь». Шло сознательное разрушение совхозной системы. Фактическими руководителями новых хозяйств нередко становились люди, далекие от оленеводства. В качестве главы регистрировался обычно кто-то из оленеводов, но реальное руководство сосредотачивалось в руках исполнительного директора, которым становился человек со стороны. В Билибинском районе на базе 5 оленеводческих совхозов было создано 21 хозяйство разных форм собственности, и только в четырех фактическими руководителями были аборигены [Абрютина, 1999, с. 37]. Как показали последующие события, хозяйства во главе с заезжими людьми, как правило, прекращали существование через несколько лет.

В совхозах, где в фермерские хозяйства выделилась лишь часть оленеводов, оставшиеся продолжали работать в совхозных стадах, но условия их жизни кардинально поменялись. Многие совхозы реорганизации избежали. В них произошло лишь формальное изменение собственности – из государственных предприятий они превратились в акционерные общества, поменяв

в некоторых случаях названия. Оленеводство в таких совхозах сохранялось лучше, выше были и конечные результаты их работы. Все объекты жизнеобеспечения, находившиеся на балансе совхозов (котельные, электростанции, жилой фонд и пр.), передавались вновь образованным организациям коммунального хозяйства, которые позднее были муниципализированы.

Всего на Чукотке на базе 28 совхозов в 1992–1993 гг. было создано 51 фермерское оленеводческое хозяйство [ГАЧАО, ф. 5, оп. 1, д. 57, л. 29]. Больше всего их было в Билибинском и Анадырском районах. В Шмидтовском, Чукотском и Провиденском районах в основном сохранялась старая хозяйственная структура.

Аналогичным образом происходила реорганизация совхозной системы в Корякском автономном округе. Первые фермерские хозяйства здесь возникли в 1992 г. К 1996 г. их насчитывалось 10: 6 в Тигильском районе, по 2 – в Пенжинском и Карагинском. В каждом имелось 2–3 тыс. оленей. За каждым закреплялась пастбищная территория. В Олюторском районе фермеризация не получила развития.

В Магаданской области на фермерские хозяйства распались совхозы «Буксунда», «Новый путь», «Рассохинский». Создание некоторых фермерских хозяйств изначально предполагало ликвидацию оленеводства вообще. Так, например, в совхозе «Новый путь» оленей на паи получали все рабочие совхоза; доставшиеся им олени были сданы на мясо. На базе некоторых совхозов («Победа» и др.) появились предприятия с другими формами собственности. Оленеводческие совхозы Северо-Эвенского района («Пареньский», «Путь Ленина», «Расцвет Севера») реорганизации избежали и в 1996 г. перешли в муниципальную собственность [Сирина, 2010, с. 23–25]. В статусе одноименных муниципальных унитарных сельхозпредприятий (МУСХП) они работали до 2003 г., когда по инициативе районной администрации были объединены в одно хозяйство – МУСХП «Ирбычан».

Оленеводческие хозяйства в постсовхозный период

Многие хозяйства, начав самостоятельное существование и используя конъюнктуру рынка, сосредоточились на заготовке пантов. Однако падение спроса, повышение цен на топливо, технику, продовольствие, транспортные услуги привели их к банкротству. Недолгий опыт самостоятельного существования показал, что частное оленеводство в Магаданской области не имеет перспектив для развития. поголовье оленей в большинстве районов области было утрачено полностью. Частично сохранить оленеводство удалось лишь в Северо-Эвенском и Среднеканском районах. В последнем в начале 2000-х гг. фермерские хозяйства прошли перерегистрацию и получили статус родовых общин. На 1 января 2006 г. у них числилось более 3 тыс. оленей, в том числе в РО «Рассоха» – 975, «Алы-Юрях» – 1519, «Каньон» – 557 [Хаховская, 2007, с. 80, 84; 2008, с. 117].

Судьба абсолютного большинства фермерских хозяйств оказалась печальной. Во многом это было связано с ошибками при реорганизации совхозов. Их реформирование происходило по общим правилам со всеми другими

сельхозпредприятиями. Создававшиеся на их базе фермерские хозяйства, вполне приемлемые в других отраслях сельского хозяйства, условиям оленеводства явно не соответствовали. Уже по этой причине большая часть фермерских хозяйств не могла не разориться.

С другой стороны, руководители фермерских хозяйств явно переоценили свои силы, да и их возможности оказались несоизмеримы с совхозами. В совхозе бригадир мог поднять скандал по поводу того, что ему завезли не тот компот, который он заказывал. Теперь обо всем приходилось заботиться самим. Обеспечить пастухов всем необходимым для жизни новые хозяйства не могли, оленеводы забивали оленей, чтобы не умереть с голоду. Ситуация осложнялась трудностями сельской жизни. Оленеводы вынуждены были помогать родственникам, оказавшимся в результате реформ без средств к существованию. Некоторые поселковые жители вообще перебрались в оленеводческие бригады – там проще было выжить. С ростом числа иждивенцев росло число забитых животных. Нерегулируемый забой стал средством выживания оленеводов и их родственников.

Особенно быстро поголовье оленей сокращалось на юге Дальнего Востока. Треть стада к середине 1990-х гг. была потеряна в Амурской области. В главном оленеводческом районе Хабаровского края – Охотском – в 1991 г. было более 30 тыс. оленей. К началу 1997 г. их оставалось меньше половины. На 74 % сократилось поголовье в Аяно-Майском районе, на 43 % – в Тугуро-Чумиканском [ГАРФ, ф. 10102, оп. 1, д. 97, т. 3, л. 24, 29, 40, 68]. Сокращалось, главным образом, общественное поголовье. В этих условиях началась передача оленей в личное пользование пастухов. К началу 2000-х гг. число оленей в Хабаровском крае сократилось с 42,7 тыс. до 9,8 тыс. голов.

В фермерских хозяйствах Корякского автономного округа в 1993 г. имелось 18 444 оленя, к 2001 г. осталось всего 350. Падение поголовья происходило на фоне роста продаж оленины, что могло свидетельствовать об одном – олени были забиты хозяевами ради денег [Корякский автономный округ ... , 2003, с. 51].

В фермерских хозяйствах прекратилось зоотехническое и ветеринарное обслуживание – вакцинация против некробактериоза (копытки), обработка против подкожного овода, солевая и комбикормовая подкормка, охрана стад от волков. Главы хозяйств оказались плохими руководителями. Некоторые, копируя стиль руководства директоров совхозов, стали жить с семьями не в стаде, а в селе. По их примеру месяцами жили в поселке некоторые пастухи, оленей «пасли» волки. В этих условиях оленеводы с личными оленями стали возвращаться в совхозные звенья и большинство новых хозяйств прекратило существование. Фермеризация зачастую была одной из форм уничтожения оленеводства.

К началу 2000-х гг. оленеводство на Дальнем Востоке оказалось на грани исчезновения. Если в 1990 г. в регионе выпасалось 37,3 % всего поголовья домашних оленей в РСФСР, то в 2001 г. – лишь 13,6 %. В Магаданской области число оленей уменьшилось в 7,2 раза, в Хабаровском крае – почти в 6, на Чукотке – более чем в 5, на Камчатке – в 4,8 раза, в Амурской

области – в 2 раза (табл.). Оленеводство как отрасль хозяйства практически исчезло в Сахалинской области, в Тигильском, Карагинском, Быстринском районах Камчатки, Тугуро-Чумиканском и Аяно-Майском районах Хабаровского края, на большей части Магаданской области, в чукотских селах Янранай, Алькатваам, Мейныпыльгино и др. Вместе с оленеводством стали исчезать и национальные поселки. В Магаданской области был закрыт пос. Озерное – центральная усадьба бывшего совхоза «Чалбанья», его жителей переселили на Охотское побережье, часть их выехала в Якутию. На грани закрытия оказалось в конце 1990-х гг. с. Меренга Омсукчанского района. Почти все его жители переселились в Омсукчан [Сирина, 2004, с. 57]. В начале 2000-х гг. обсуждалось закрытие пос. Айон – центральной усадьбы бывшего совхоза «Энмигаино» на Чукотке, жителей планировали переселить в с. Рыткучи [Клоков, Хрущев, 2004, с. 161].

Таблица

Динамика поголовья оленей на Дальнем Востоке в 1991–2010 гг. (тыс. голов)²

Субъекты РФ	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2000 г. к 1991 г., %	2005 г.	2010 г.	2010 г. к 2000 г., %
Магаданская обл.	121,5	80,5	24,0	19,7	17,5	19,35	80,6
Чукотский АО	491,0	280,8	103,5	21,1	141,2	197,63	190,9
Камчатский край,	167,0	124,6	41,5	24,8	45,3	37,11	89,4
в т. ч. Корякский округ	150,3	111,4	38,1	25,3	30,2	29,4	77,1
Хабаровский край	42,7	28,6	9,8	22,9	7,4	8,1	82,6
Амурская обл.	12,9	12,9	8,3	64,3	6,4	6,8	81,9
Сахалинская обл.	4,0	3,2	3,4	85,0	0,2	0,17	5,0
Всего	839,1	530,6	190,5	22,7	218,0	269,16	141,3

Изменившиеся условия существования оленеводства не могли не отразиться на технологических процессах. Со снижением поголовья оленей сократилось число перекочевков. Небольшие стада могли находиться на одном пастбище значительно дольше, чем раньше. В совхозный период смена пастбищ и перекочевки пастухов осуществлялись, как правило, с помощью механического транспорта в любое время года. У эвенов и эвенков по этой причине в советские годы даже стали исчезать верховые и упряжные олени. В Быстринском районе Камчатской области большинство пастухов-эвенов уже не умели обучать ездовых оленей, все перекочевки производили на снегоходах. В новых условиях наблюдается возвращение к традиционным методам кочевания. Чукчи и коряки вновь стали практиковать летние пешие перекочевки. В Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края места летнего выпаса оленей переместились на морское побережье, к устью лососевых рек. Животные содержатся на вольном выпасе, оленеводы занимаются промыслом рыбы. В Аяно-Майском и Северо-Эвенском районах оленей пасут вблизи дорог – при необходимости на попутном транспорте можно попасть в поселок. В таком соседстве много негативного, но социальная и экономическая ситуация такова, что другого выхода нет.

² По: [Клоков, 2012, с. 261].

В сельхозпредприятиях организация жизни оленеводов в стаде в основных чертах повторяет совхозную. В общинном оленеводстве все зависит от конкретных условий. Несмотря на то что многие общины значатся как родовые (семейные), родственными отношениями они связаны не всегда. Чаще всего это производственное объединение нескольких разных семей. Созданию по-настоящему семейных общин препятствует то, что далеко не каждая семья в состоянии вести такое хозяйство, поскольку это связано с кардинальной переменой образа жизни. Расстаться с привычной поселковой средой готовы далеко не все члены семьи. Чаще всего оленеводством в семье занимается один-два человека. Вести самостоятельную жизнь в тайге им сложно, отсюда – стремление к объединению с такими же, как они, одиночками из других семей. Созданные по такому принципу общины неустойчивы, интересы семей, составляющих общину, часто приходят в противоречие и нередко приводят к ее распаду.

Управление оленеводством

Реформировались не только совхозы, но и органы управления промышленным хозяйством. Так, Чукотское окружное агропромышленное объединение в 1990 г. было преобразовано в агропромкомбинат, который через два года был ликвидирован. Вместо него образовали управление сельского хозяйства. Потом и его реорганизовали. Аналогичные процессы происходили и на федеральном уровне. В СССР руководство оленеводством осуществляло Главное управление Севера Министерства сельского хозяйства РСФСР. Каждый из его отделов курировал одно из направлений – планово-экономическую работу, материальное обеспечение, зооветеринарные мероприятия, технологию переработки продукции, подготовку кадров и т. п. С началом разгосударствления все они были ликвидированы. Вопросами оленеводства в Министерстве сельского хозяйства РФ стал заниматься Департамент взаимодействия с регионами, для которого проблемы оленеводства не были определяющими. К тому же его деятельность по поддержке северного оленеводства тормозилась недостатком бюджетных средств.

В рамках федеральных целевых программ экономического и социального развития малочисленных народов Севера, осуществлявшихся в эти годы, проблемами оленеводства вынуждены были заниматься также Госкомсевер, Министерство по делам федерации, Минрегион России. Многочисленность государственных структур, причастных к развитию оленеводства, к сожалению, не способствовала успеху дела. В условиях перманентных реорганизаций органов управления оленеводческие хозяйства были брошены на произвол судьбы. Одновременное совмещение двух реформ – первичного производства и системы руководства сельским хозяйством – привело к тому, что управление отраслью было окончательно потеряно.

Деградация оленеводства и связанное с этим обвальное падение занятости (реформы в оленеводстве обернулись для страны потерей 20 тыс. рабочих мест) и качества жизни коренных народов побудили власти обратить внимание на состояние отрасли. На высших этажах власти стало происхо-

дить некоторое отрезвление от рыночной эйфории. В документах Госкомсевера все чаще стали встречаться ссылки на польского географа Ж. А. Куклинского, писавшего о развитии северных регионов планеты: «Солнце рыночной свободы никогда не сможет ярко сиять над этими ареалами» [ГАРФ, ф.10102, оп. 1, д. 22, л. 8]. 10 июня 1996 г. Госкомсевер внес в правительство предложение о преобразовании всех бывших оленеводческих совхозов в «казенные хозяйства» [ГАРФ, ф. 10102, оп. 1, д. 21, л. 16]. Реакция правительства на это предложение неизвестна, но, судя по тому, что во второй половине 1990-х гг. в северных регионах началась кампания по муниципализации оленеводческих хозяйств, предложение Госкомсевера не осталось без внимания.

Во многом переломным для оленеводства стал 2000 г. 28 апреля этого года Правительство РФ приняло постановление № 382 «О дополнительных мерах государственной поддержки северного оленеводства в 2000–2005 гг.». Начиная с 2001 г. оно предполагало выделять субъектам РФ субсидии на развитие переработки продукции оленеводства и проведение ветеринарных мероприятий. Меры по развитию оленеводства предусматривала также Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2010 года», Государственные программы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. и 2013–2015 гг. Субъектам Федерации на условиях софинансирования стали выделяться субсидии на содержание оленей в хозяйствах со статусом юридического лица – 110 руб. на оленя в год. На личных оленей они не распространялись.

Определенное влияние на развитие оленеводства как отрасли северного хозяйства с середины 1990-х гг. стал оказывать Союз оленеводов России, учрежденный в 1995 г. Разработанный им альтернативный вариант государственной программы стабилизации и развития оленеводства предполагал средства федерального бюджета направлять не только на создание производственных объектов, но и на восстановление поголовья оленей, подготовку кадров оленеводов и сохранение традиционного уклада жизни. Предложения Союза оленеводов поддержали региональные ассоциации коренных народов, они были положены в основу разработки региональных программ развития оленеводства.

Участие государства в финансовой поддержке оленеводства стимулировало рост внимания к нуждам отрасли в регионах. В Магаданской области, Чукотском и Корякском автономных округах, Хабаровском крае были приняты законодательные акты по поддержке развития оленеводства. На местах стали разрабатывать программы стабилизации отрасли, выделять на ее развитие средства из региональных бюджетов. Местное законодательство предусматривало различные виды поддержки оленеводства: скидки на покупку техники и оборудования, возмещение процентной ставки по кредитам, закупки ветеринарных препаратов, кормовых добавок, охрана и обустройство пастбищ, племенная работа, зарплата оленеводов и т. п. На практике, однако, региональные правительства оказывать поддержку по всему перечню мер не могли. В Хабаровском крае, например, из предусмотренных Законом семи видов субсидий реально предоставлялись лишь две: на со-

держание оленей и возмещение затрат по их охране от хищников. Ограниченная поддержка не всегда была связана с отсутствием средств. Конкурс грантов Хабаровского края на развитие оленеводства в 2012–2015 гг. не состоялся, например, потому, что не поступили конкурсные заявки. Руководители хозяйств, многие оленеводы зачастую не знают о существующих мерах поддержки, а главы оленеводческих районов ничего не делают для их информирования.

Субсидии, выделявшиеся из федерального бюджета, предназначались, главным образом, для обновления материально-технической базы оленеводства, к тому же выплачивались они нерегулярно. По этой причине основная финансовая нагрузка ложилась на региональные бюджеты. В Магаданской области в 2002–2004 гг. в оленеводство было направлено 17 млн руб., на Чукотке в 2001–2012 гг. – 3 млрд 800 млн руб. В бюджете Корякского автономного округа на развитие оленеводства в 2006 г. предусматривалось 32 млн, на Камчатке в 2009 г. – 80 млн руб. [Хаховская, 2008, с. 121; Информация об исполнении бюджета ... , 2010; КФ ГАКК, ф. 283, оп. 1, д. 85, л. 14].

Соотношение затрат федерального и региональных бюджетов можно видеть из следующих цифр. Из 519 млн руб., выделенных на развитие оленеводства на Чукотке в 2010 г., федеральные средства составляли 44 млн руб. (8,4 %), в 2012 г. они сократились до 35 млн руб. В Камчатском крае в 2010–2012 гг. средства краевого бюджета составляли 402 млн руб., федерального – 36 млн руб. (8,9 %). Из 517 тыс. руб., выделенных в 2014 г. на содержание оленей в ТСО «Кела» Хабаровского края, средства федерального бюджета составляли всего 14 тыс. руб.

Размеры субсидий субъекты Федерации устанавливали, исходя из своих финансовых возможностей. В середине 2000-х гг. в Амурской области они составляли 480 руб. на оленя в год, на Чукотке – 550. В Хабаровском крае субсидии стали выплачиваться после принятия Закона о поддержке оленеводства в 2012 г. Вначале они составляли 1 тыс. руб. на оленя, затем их увеличили до 2130 руб., однако в мае 2015 г. из-за бюджетных трудностей выплаты субсидий на оленеводство были отменены.

Субсидии не распространялись на оленей в личной собственности, поэтому в регионах с большой долей личных оленей большинство поголовья было лишено финансовой поддержки. В Хабаровском крае, например, не имели права на субсидирование до 80 % поголовья. Поддержку получали лишь две оленеводческие общины в Охотском районе – всего 800 оленей. Планировалось распространить выплату субсидий в 2013 г. на все категории хозяйств, включая личных оленей (1 тыс. руб. на голову), однако сделать это не удалось. При всей незначительности размеров субсидии сыграли важную роль в стабилизации оленеводства, способствовали росту числа общин, оформлению их в качестве юридических лиц. В Амурской области, например, только в 2005 г. появилось 10 новых общин.

С 2006 г. процесс оформления и получения субсидий осложнился. Получение статуса юридического лица оказалось сопряжено с разного рода бюрократическими процедурами, которые многих откровенно пугали. Кро-

ме того, субсидии стали выплачиваться поквартально, что было очень неудобно для оленеводов. Руководители общин вынуждены были бросать стада, ехать за сотни километров для оформления очередной квартальной субсидии, неделями ждать ее поступления на свои счета. Кроме того, поквартальная выплата субсидии расплывала средства, не позволяла планировать расходы.

Основа успешного развития оленеводства – наличие пастбищ. На юге Дальнего Востока практически все они располагаются на землях лесного фонда. Получить их в пользование можно только по конкурсу на условиях аренды. При этом воспользоваться арендованным участком не всегда удается. Правила предусматривают, что арендатор на своей территории должен заниматься не только оленеводством, но и охраной лесов, животного мира. Большинству хозяйств такие обязанности не по силам. Решению этих и многих других проблем могло бы способствовать принятие федерального закона об оленеводстве. Разговоры о нем идут уже 20 лет, а закона все нет.

Правовое положение оленеводства определяется многочисленными актами, регламентирующими деятельность агропромышленного комплекса, нормами Конституции РФ, Земельным, Гражданским и Лесным кодексами РФ, законами о правах коренных малочисленных народов, экологическим законодательством. Положения этих документов зачастую не согласуются между собой, а то и противоречат друг другу, написаны сложным языком, их содержание в большинстве случаев вообще не известно оленеводам и уже по этой причине не используется ими для защиты своих прав. Региональные законодательные инициативы в области оленеводства нередко не согласуются с федеральным законодательством и потому не применяются.

Кроме субсидий из федерального и местных бюджетов финансовую помощь оленеводам стали оказывать спонсоры. В 2007 г. в Тындинском районе Амурской области на их средства для общин были закуплены палатки, капканы, электропилы, передвижные электростанции, спецодежда, резиновые лодки. В Аяно-Майском районе старательская артель «Амур» выделяла каждому оленеводу продукты питания на сумму 5 тыс. руб. На Чукотке при содействии Чукотской горно-геологической компании в 2009 г. был создан фонд социального развития «Купол», треть бюджета которого направляется на поддержку коренных народов Чукотки, в том числе оленеводства. На Камчатке аналогичные функции выполнял фонд «Корякегеолдобыча – социальный партнер Корякского автономного округа». В Северо-Эвенском районе Магаданской области с конца 1990-х гг. материальное обеспечение оленеводческих бригад (заработная плата, одежда, палатки, радиостанции, аптечки и пр.) осуществлялось за счет налоговых отчислений золотодобывающего прииска «Кубака». В результате была полностью погашена задолженность перед оленеводами по заработной плате [Хаховская, 2007, с. 80]. Программа поддержки оленеводства эвенов Охотского района в рамках соглашения о сотрудничестве с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края реализуется хабаровским филиалом ОАО «Полиметалл УК».

Оленеводство чутко отреагировало на экономическую поддержку государства. В хозяйствах, на которые распространялось субсидирование, началась стабилизация и даже постепенное восстановление поголовья. В хозяйствах, на которые субсидирование не распространялось, продолжалось сокращение. В 2000-е гг. в целом по российскому Северу поголовье личных оленей сократилось на 100 тыс. голов. Особенно сильное сокращение произошло на Чукотке. В середине 1990-х гг. здесь было 56 тыс. личных оленей (23,8 % от общего поголовья), к 2003 г. – 16,4 тыс. (15,4 %). К 2006 г. личное поголовье на Чукотке составляло всего 5411 оленей, с 1407 до 939 сократилось число хозяйств с личными оленями [Хороля, 2012, с. 95; Клоков, Хрущев, 2004, с. 162].

Сокращение во многом было связано с возмещением потерь в общественном стаде за счет оленей пастухов, выпасавшихся вместе. Подобная практика существовала еще в советских совхозах. В последние годы на Чукотке наблюдается некоторый рост количества личных оленей. В известной степени это связано с внедрением новой системы премирования пастухов. За достижение высоких результатов премии выдаются оленями. К 2010 г. число личных оленей на Чукотке достигло 6300 [Степура, 2011].

Усиление государственной финансовой поддержки оленеводства сопровождалось дальнейшей реорганизацией сельскохозяйственных предприятий, фермерских хозяйств и общин. На Чукотке все бывшие совхозы были преобразованы в муниципальные сельхозпредприятия. В их состав вошли и оставшиеся фермерские хозяйства. В 2010 г. на Чукотке работало 16 муниципальных сельскохозяйственных предприятий, в составе которых имелось 65 оленеводческих бригад [Опарин, 2012, с. 207]. Тем самым сложилась единая организационно-правовая форма оленеводческих предприятий.

Органов управления сельхозпредприятиями в районах нет, фактическими их хозяевами стали главы муниципальных районов, у которых и без того немало проблем. Департамент сельского хозяйства округа предприятиям только выделяет деньги, других функций у него нет. Районы требуют, чтобы финансирование оленеводства шло через их бюджеты, но в округе опасаются, что в этом случае до оленеводов деньги вообще могут не дойти. Подобные опасения имеют под собой основания. В середине 1990-х гг. в Магаданской области оленеводам установили компенсационные выплаты за работу в экстремальных условиях. Средства выделялись через бюджеты районов и во многих случаях до получателей не дошли. Их использовали на что угодно, только не на выплаты оленеводам [Хаховская, 2008, с. 116].

Проблемы, проблемы, проблемы

Оленеводческие хозяйства сталкиваются со множеством проблем. Одна из наиболее болезненных – большие непроизводительные отходы поголовья. Причины самые разные. Прекратилась племенная работа и межхозяйственный обмен животными, близкородственное скрещивание ведет к вырождению потомства. Во многих стадах нагрузка на пастухов в 2–3 раза превышает нормативную, и они не могут обеспечить сохранность поголо-

вья. Заброшена работа по использованию оленегонных лаек. Единственный на Чукотке Марковский питомник таких собак был закрыт в 1990 г. Между тем опыт советских лет убедительно свидетельствовал, что наличие в бригаде хотя бы одной такой собаки равнозначно увеличению численности пастухов на 1-2 человек. Прекратилось государственное участие в регулировании численности волка, и этот хищник стал для оленеводов бедствием.

Проблема борьбы с волком обострилась и в связи с новой системой регистрации нарезного оружия. Особенно это характерно для общинного оленеводства. Оленеводы не могут получить разрешения на нарезное оружие из-за сложностей с официальным оформлением и оказываются беззащитными перед набегами хищников. В Амурской области в некоторых общинах волки истребили до половины оленей. В Корякском округе в декабре 1997 г. от волков погибло 1500 оленей, еще 5 тыс. были потеряны от разгона стад. На Чукотке ущерб от волков составил в 2011 г. более 50 тыс. голов [ГАРФ, ф. 10102, оп. 1, д. 116, л. 16]. Непроизводительные отходы (потери, потравы и пр.) на Чукотке, Камчатке и в Магаданской области в 2008–2011 гг. заметно превышали число животных, забитых для продажи [Хороля, 2012, с. 101]. Серьезной проблемой для оленеводов стало браконьерство – отстрел домашних оленей нефтяниками, старателями, горняками, работающими в северных районах. Безусловный лидер в этом отношении – Сахалин.

Кадровая проблема остро стоит как на уровне руководства хозяйством, так и в оленеводческих бригадах. В ходе рыночных реформ кадровый потенциал директоров совхозов, сложившийся за годы советской власти, был безвозвратно потерян. К руководству пришли во многом случайные люди. Из 16 руководителей муниципальных предприятий на Чукотке лишь 5 имеют соответствующий опыт работы, у остальных об оленеводстве весьма смутные представления. В хозяйствах нет зоотехников, ветеринаров. Не укомплектованы штаты бухгалтерии и экономических отделов. В совхозе «Паланский» на Камчатке в последние годы его существования не было даже конторы.

В стадах все меньше старых, опытных оленеводов. Новые руководители хозяйств ради сохранения авторитета нередко сознательно избавлялись от опытных оленеводов, заменяя их молодежью. При этом новое поколение оленеводов существенно отличается от своих советских сверстников. В 1990-е гг. прекратилось преподавание основ оленеводства в школах, в бригады приходят пастухи без элементарных знаний в этой области. Они не могут правильно выбрать пастбище, оказать помощь заболевшим животным, грамотно организовать охрану стада. Не имея чаще всего среднего образования, они лишены возможности повышать квалификацию в учебных заведениях.

В государственном масштабе подготовка специалистов для оленеводства не ведется, а инициативы местных властей результатов не приносят. В 2008 г. на Чукотке возобновили подготовку оленеводов в местном колледже. Состоялся первый выпуск – 22 специалиста, а в бригады пришло всего 2 человека. Остальные, по словам зам. губернатора Чукотского округа В. Ф. Алексеенко, «даже до своих районов не доехали, “растворились” в Ана-

дыре». В 2011 г. возобновилась подготовка оленеводов в Паланском колледже на Камчатке, но и здесь набрать группу учащихся удастся не каждый год.

Молодежь не стремится в оленеводство по причине плохих условий жизни в тундре. В бригадах бедный ассортимент продуктов, нередко одно лишь мясо, прекратилось культурно-бытовое обслуживание. Если для старшего поколения оленеводство было во многом единственно возможной формой существования, то молодежь ждет от работы в стаде достойного вознаграждения. На Камчатке проблема кадров оленеводов достигла такой остроты, что там уже вполне серьезно обсуждают возможность привлечения в оленеводство мигрантов из Средней Азии [Стада и тундра ... , 2013].

Есть попытки решать проблему кадров оленеводов весьма нетрадиционными методами. Заслуживает внимания опыт Гындинского района Амурской области по прохождению призывниками-эвенками альтернативной военной службы в качестве оленеводов в общинных стадах. Численность призывников из оленеводческих сел Дальнего Востока ничтожна, на состоянии вооруженных сил страны сказаться никак не может, а вот для развития отрасли такой способ привлечения кадров может оказаться весьма полезным.

Муниципализация оленеводческого хозяйства на Чукотке при всех ее сложностях и недостатках позволила остановить деградацию отрасли. поголовье оленей в сельскохозяйственных предприятиях увеличилось в 2000-е гг. в 2 раза (табл.), производство мяса в живом весе – в 3 раза. С 2006 г. возобновились промышленный забой оленей; в общем объеме мясной продукции, поставляемой населению округа, доля продукции, произведенной из собственного сырья, достигла к 2012 г. 61 %. Восстановлен государственный заказ на оленину для больниц, школ и детских учреждений округа. Возобновилась племенная работа. В качестве племенных развиваются 5 муниципальных предприятий – «Марковское», «Канчаланское», «Возрождение», «Пионер» и «Чаунское». Намечились подвижки в технологии переработки продукции оленеводства. Предприятия по производству новых видов продукции появились в Канчалане, Хатырке, Амгуэме. С 2010 г. производятся мясные консервы из оленины, различные виды колбас и сосисок.

Дальнейший рост поголовья оленей на Чукотке в настоящее время сдерживают возможности реализации продукции оленеводства. Вывозить ее за пределы округа невыгодно из-за высоких транспортных тарифов. Более чем двукратное сокращение численности населения округа сузило рынок сбыта внутри округа. поголовье оленей в пределах 200 тыс. голов соответствует внутренним потребностям, и задача его наращивание не ставится. Упор делается на повышение качественных показателей.

Наращивание поголовья оленей сдерживает и дефицит кадров оленеводов. Оленей некому будет пасти. Уже сейчас в некоторых бригадах пасется до 10 тыс. оленей. Такие стада надо срочно разукрупнять, создавать новые бригады, для этого нужны оленеводы, а их нет. Оленеводство непривлекательно для молодежи и специалистов из-за низких зарплат. В 2011 г. средняя зарплата оленеводов составляла 11–19 тыс. руб. В условиях Чукотки это несерьезно, но платить больше округ не может.

Организационно-правовая форма оленеводческих хозяйств в Камчатском крае к концу 2000-х гг. была более разнообразной. Оленеводством занимались 2 родовые общины, 4 общества с ограниченной ответственностью, 2 сельхозкооператива и государственное унитарное предприятие.

Перемены к лучшему в корякском оленеводстве стали ощущаться с 2001 г., когда было создано производственное объединение «Коряколенпром». В него вошли 9 оленеводческих совхозов, ставших к тому времени государственными унитарными предприятиями: «Манильский», «Корфский», «Таловский», «Тигильский», «Паланский», «Пенжинский», «Пахачинский», «50-летие СССР», «Полярная звезда». Его создание оказалось во многом спасительным для корякского оленеводства. Оленеводы стали получать заработную плату, наметились признаки стабилизации.

После объединения округа с Камчатской областью (2007 г.) схема управления оленеводством внешне осталась прежней. «Коряколенпром» превратился в «Камчатоленпром», однако поменялось не просто название. Оленеводческие совхозы, бывшие до этого самостоятельными хозяйствами, потеряли права юридических лиц и превратились в производственные участки «Камчатоленпрома», который с этого времени стал единственным государственным оленеводческим предприятием в крае. Помимо корякских оленеводов в него входят и их коллеги из Быстринского района. Офис предприятия размещается в Петропавловске-Камчатском, за 700 км от места, где пасутся олени, там же решаются все производственные вопросы. В предприятии занято около 300 человек. Столько в советские годы работало в одном совхозе.

Многие специалисты оценивают подобную организацию оленеводческого хозяйства негативно и даже рассматривают ее как «заклучительный акт ликвидации оленеводства на Камчатке» [Мизинин, 2011]. Немало претензий к ней и у самих оленеводов. С приходом «Камчатоленпрома» сократилась зарплата у пастухов и чумработниц. Не стало бесплатного котлового довольствия. Но самое главное – люди не видят результатов своего труда, утрачена ответственность за судьбу дела. И если на Чукотке в 2000–2010-е гг. численность оленей выросла на 94 тыс. голов, то на Камчатке она продолжала снижаться (табл.). К 2017 г. поголовье оленей в Камчатском крае планируется довести до 46 тыс. голов, к 2020 г. – до 52 тыс. Последняя цифра рассматривается как максимально возможное поголовье, исходя из внутренних потребностей края в продукции оленеводства.

Реорганизация структуры оленеводства на Камчатке продолжается. Не стихают и дискуссии о его будущем. Во многом это связано с тем, что краевой бюджет не в состоянии нести расходы по развитию отрасли. Себестоимость содержания одного оленя на Камчатке – 5,5 тыс. руб. в год, а субсидии из краевого бюджета в 2 раза меньше [Сибирцева, 2013]. Основную причину неэффективной работы предприятия видят в больших (до 60 %) непроизводительных отходах, которые во многих случаях связаны как раз с потерей ответственности оленеводов за судьбу дела. Все громче звучат го-

лоса о необходимости дальнейшего разгосударствления отрасли, передаче оленей в более эффективные частные структуры.

Положительные примеры такой передачи имели место в середине 2000-х гг. ООО «Алней» и «Апукинское», взяв в аренду совхозных оленей, заметно нарастили поголовье, добились высокой сохранности животных и даже вели плановый забой, ликвидировали многолетнюю совхозную задолженность по зарплате пастухам, обеспечили их спецодеждой и бесплатным питанием [Вести из сел округа, 2008]. Но новое руководство оленеводством в Корякском округе расторгло арендные отношения, и поступательное развитие отрасли прекратилось. Продолжающийся кризис оленеводства в Камчатском крае побуждает вернуться к опыту «Алнея» и «Апукинского». В 2013 г. Паланский производственный участок «Камчатоленпрома» передал в аренду ООО «Фонд возрождения и сохранения оленеводства» всех своих оленей. На работу в фонд перешли 7 из 10 пастухов, работавших на участке. К настоящему времени эта организация, пожалуй, – единственное относительно успешное оленеводческое предприятие на Камчатке. Созданный в 2001 г. фонд нарастил поголовье до 11 тыс. голов. В стадах созданы хорошие условия для работы и отдыха оленеводов. В 2015 г. введен в эксплуатацию завод по глубокой переработке мяса оленей. Выпущена первая партия колбас из оленины, несколько сортов сыровяленого мяса. Совершены первые поставки продукции жителям Московской области и г. Санкт-Петербурга [Камчатский край ...].

Есть и другие предложения. Сторонником муниципализации оленеводства по примеру Чукотки выступает камчатский губернатор В. И. Илюхов. «Каждый поселок должен иметь свой небольшой табун оленей», – такое пожелание высказал он на встрече со старейшинами коренных малочисленных народов края. Судя по всему, камчатские власти не очень понимают, что делать со свалившимся на их головы оленеводством после ликвидации Корякского округа. Отсюда желание избавиться от этой обузы, передать оставшихся оленей в частную или муниципальную собственность. До сих пор не решен по существу самый главный вопрос: ради каких целей развивать оленеводство – как экономически эффективную отрасль сельского хозяйства области или ради сохранения традиционного уклада жизни той, теперь уже совсем немногочисленной, части коренных малочисленных народов, которые еще не потеряли интереса к такому укладу? Думается, что такой вопрос не мог бы возникнуть в Корякском округе, когда он был субъектом Федерации.

Заключение

Оленеводство в силу его специфики не может развиваться без государственной поддержки. Ее необходимость диктуют условия его существования – зависимость от природных катаклизмов, несовершенная хозяйственно-бытовая инфраструктура, удаленность баз снабжения, высокие тарифы на транспорт, топливо. При отсутствии государственного заказа на продукцию оленеводства выручка от ее продажи случайным перекупщикам не по-

крывает расходы. Оленеводческие хозяйства не в состоянии участвовать в рыночных отношениях по общепринятой модели. Между тем модель свободного рынка в сознании чиновников, определяющих государственную политику, стала религиозной верой. От нее никак не могут отказаться, хотя там, где эта модель позаимствована, ее давно уже не существует. Практически все страны оказывают своему сельскому хозяйству существенную государственную поддержку. В Финляндии и Японии она составляет 72 % от стоимости продукции, в Австралии – 44 %, в США – 40 %, в Канаде – 35 %. В Норвегии доля государственных дотаций в стоимости килограмма реализованной оленины составляет почти 60 % [Назаренко, Попцов, 1996].

Российское государство в возрождении оленеводства участвует сегодня во многом символически, а собственных средств в регионах для этого не хватает. О нежелании рассматривать оленеводство как часть рыночной экономики может свидетельствовать и то, что получить кредит – совершенно необходимое условие для развития в условиях рынка – под залог оленей невозможно. Специфику оленеводства не учитывает законодательство по страхованию сельскохозяйственных животных. Оно не предусматривает риски, связанные со стихийными бедствиями, потравками хищников, пожарами на пастбищах. Между тем именно они нередко определяют результаты работы оленеводов. В СССР механизм возмещения подобных потерь существовал.

Судя по имеющимся данным, в 2010 г. на одного сельского жителя коренных малочисленных народов в Чукотском автономном округе приходилось 13,3 домашних оленя, в Магаданской области – 10,5, в Амурской области – 5,1, Камчатском крае – 3,1, Хабаровском крае – 1,7, Сахалинской области – 0,1 [Клоков, 2012, с. 262]. Исходя из этих цифр, есть основания говорить, что из 6 регионов, на территории которых исторически развивалось оленеводство, в своей экономической функции оно сохраняется сегодня лишь на Чукотке. Островки такого оленеводства, возможно, созревают в Северо-Эвенском районе Магаданской области. На остальной территории оленеводство существует в этносоциальной или этнокультурной функциях. Совершенно очевидно, что и в этом качестве развивать его необходимо, тем более что экономическая составляющая такого оленеводства тоже возможна – использование оленей в сфере туризма, в качестве транспортных животных в охотничьем промысле, изготовление одежды и обуви, сувенирной продукции и др. Но вот сможет ли оно вернуться здесь к своей экономической ипостаси, как это было в совхозный период, сказать сложно. На юге Дальнего Востока вернуть оленеводство в русло товарного производства в ближайшие годы точно не удастся, да такая задача и не ставится.

Оленеводство в большинстве регионов Дальнего Востока вынесено за рамки рыночной экономики. Усилия, которые прилагают местные власти к тому, чтобы сохранить то, что от него осталось, в большинстве случаев продиктованы не стремлением сделать отрасль экономически эффективной, а желанием сохранить ее как базу для традиционного образа жизни коренных народов. В целом такое стремление понятно. Оленеводство – та самая от-

расль хозяйства, на базе которой лучше всего сохранять традиционный образ жизни для тех, кто этого действительно хочет, кого не пугает жизнь в тайге или тундре. Вопрос лишь в том, насколько осуществимо такое стремление в условиях рыночной экономики. Еще 5–10 лет, и из жизни уйдут последние представители старшего поколения, для которых традиционный образ жизни имел самодостаточное значение. Тем, кто придет им на смену (если придет), этого будет явно недостаточно. Занятие оленеводством будет иметь для них смысл только в том случае, если будет сопрягаться с возможностями и преимуществами, которые дает рыночная экономика. Без этого ни возрождение оленеводства, ни традиционного образа жизни точно не состоится.

Источники и архивные документы

АОЗРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 659. Л. 20.

ГАЧАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 57. Л. 20. 29.

ГАЧАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.

ГАЧАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 151. Л. 8.

ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.

ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 97. Т. 3. Л. 24. 29. 40. 68.

ГАРФ. Ф. 10102. Оп. 1. Д. 116. Л. 16.

ГАРФ. Ф. 10290. Оп. 1. Д. 968. Л. 8–10.

КФ ГАКК. Ф. 283. Оп. 1. Д. 85. Л. 14

О дополнительных мерах государственной поддержки северного оленеводства в 2000–2005 годах : постановление Правительства РФ от 28.04.2000 № 382 // Юридическая справочно-правовая система [Электронный ресурс] Юристу.com. – URL: http://uristu.com/library/postanovleniya/pravpost_07218/ (дата обращения: 12.03.2017).

Список литературы

Абрютина Л. И. Народы Севера России: право на здоровье / Л. И. Абрютина. – М., 1999. – 163 с.

Вести из сел округа // Народовластие. – 2008. – 11 окт.

Информация об исполнении бюджета // Народовластие. – 2010. – 13 марта

Камчатский край [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=nfo&menu=1&menu2=0&news_id=38188 (дата обращения: 23.02.2017).

Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России / К. Б. Клоков // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 38–50.

Клоков К. Б. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев. – СПб., 2004. – Т. 1. – 182 с.

Корякский автономный округ в цифрах. – Палана : Корякский окрстат, 2003. – 79 с.

Корчмит В. А. Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения / В. А. Корчмит. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КГТУ, 2001. – 439 с.

Мизинин В. М. Назад в будущее или последняя кочевка? [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: https://ecodelo.org/2736-nazad_v_budushchee_ili_poslednyaya_kochevka-primodopolzovanie (дата обращения: 11.03.2017).

Назаренко В. И. Государственное регулирование сельского хозяйства в странах с развитой рыночной экономикой / В. И. Назаренко, А. Г. Попцов. – М. : Информагробизнес, 1996. – 340 с.

Народы Севера России (1960–1980-е гг.). – М. : ИЭА РАН, 1992. – Ч. 1–3. – 719 с. – (Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. 8).

Опарин Д. А. Чукотский автономный округ / Д. А. Опарин // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 203–221.

Сибирцева Е. Горячие споры в холодной тундре [Электронный ресурс] // Камчатское время. – 2013. – URL: <http://kamtime.ru/node/2443> (дата обращения: 06.02.2017).

Сирина А. А. Хозяйство и социальная сфера / А. А. Сирина // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – М., 2004. – С. 54–76.

Сирина А. А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века / А. А. Сирина. – М. : ИЭА РАН, 2010. – 185 с.

Стада и тундра! Мигрантов Камчатки зовут в пастухи // АиФ-Камчатка. – 2013. – 24 апр.

Степура И. А олени лучше! / И. Степура // Рос. газ. – 2011. – 21 янв.

Хаховская Л. Н. Магаданское оленеводство в условиях рыночной экономики / Л. Н. Хаховская // Вестн. ДВО РАН. – 2007. – № 3. – С. 77–86.

Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI вв. / Л. Н. Хаховская. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2008. – 229 с.

Хороля Д. О. Современная ситуация и тенденции в северном оленеводстве России // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. – М. : Изд. Совета Федерации, 2012. – С. 94–103.

Reindeer Herding of the Far East Indigenous Peoples in Modern Conditions

V. A. Turaev

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS

Abstract. The paper examines the process of transformation of the reindeer economy of the indigenous peoples of the Far East in the conditions of market economy. We analyzed public sentiment related to transformation processes, fatigue from the monotony of state farm life, the impoverishment of the population as a result of reforms, hopes for a speedy enrichment through privatization, which greatly contributed to the growth of prices for products of reindeer husbandry on the international market, the impact of mass media, advocating the return to a traditional way of life, as an instrument of "national revival", etc. The article shows the regional features of reorganization of reindeer herding state farms to private farms, national enterprises, cooperatives, family and neighbors-territorial communities, their subsequent legal evolution and causes of liquidation (the underdevelopment of the domestic market, the disparity of prices for the products of agriculture and industry, high transportation tariffs on the export of products to consumers, etc.). The features of the management of reindeer husbandry in the new conditions at the Federal, regional and local levels, financial support for reindeer herding and reindeer herders families from the Federal and regional budgets, the formation of the legal basis of reindeer husbandry forms of ownership of reindeer, formed from the divestiture of the industry, modern conditions of doing deer management, labor and life of the reindeer, as reindeer herding enterprises of various organizational-legal forms, the problems faced by reindeer herding in the Far East at the present time. Based on the analysis the conclusion is given about the absence of state-legal rehabilitation of reindeer herding as agriculture in the Far East. Out of six regions, which have historically evolved reindeer, in its economic function it is preserved today only in Chukotka, small spots of commodity reindeer husbandry may appear under certain conditions in some areas of the Kamchatka region. In most regions of the Far East

reindeer is bracketed by a market economy. Efforts made by local authorities to preserve the remnants of Soviet legacy rich in reindeer herding, in most cases are not dictated by the desire to make the industry economically efficient, but by the desire to keep it as a base for the traditional lifestyle of indigenous peoples. This desire stems from the orientation of the state for the revival of traditional lifestyle of indigenous peoples. However, in a market economy, it is hardly feasible. The older generation of herders, for whom reindeer herding as the embodiment of traditional lifestyle had self-sufficient value, leave this life. For those who will come to replace them, reindeer herding will be meaningful only if it is combined with the benefits of the market economy that is not happening. Without this revival, neither herding nor the traditional lifestyle of indigenous peoples of the Far East will not take place.

Keywords: Far East, indigenous small-numbered peoples, reindeer husbandry, conditions of market reforms.

References

- Abryutina L. I. *Narody Severa Rossii: pravo na zdorovie [The peoples of the North of Russia: the right to health]*. Moscow, 1999, 163 p. (In Russ.)
- Informatsiya ob ispolnenii byudzheta [Information about budget performance]. *Narodovlastie [Democracy]*. March 13, 2010. (In Russ.)
- Kamchatskii krai. Ofitsialnyi sait [Kamchatka Krai. Official website]*. Available at: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=nfo&menu=1&menu2=0&news_id=38188 (date of access: 23.02.2017). (In Russ.)
- Khakhovskaya L. N. Magadanskoe olenevodstvo v usloviyakh rynochnoi ehkonomiki [Magadan reindeer herding in a market economy]. *Vestnik DVO RAN [Vestnik FEB RAS]*. 2007, Is. 3, pp. 77–86. (In Russ.)
- Khakhovskaya L. N. *Korennye narody Magadanskoi oblasti v XX – nachale XXI vv [Indigenous peoples of the Magadan Region in the XX – early XXI centuries]*. Magadan, NES FEB RAS Publ., 2008, 229 p. (In Russ.)
- Khorolya D. O. Sovremennaya situatsiya i tendentsii v severnom olenevodstve Rossii [The Current Situation and Trends in the Northern Reindeer Herding of Russia]. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka RF [Current Status and Development Paths of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]*. Moscow, Publication of the Council of the Federation, 2012, pp. 94–103. (In Russ.)
- Klovov K. B. Sovremennoe polozhenie olenevodov i olenevodstva v Rossii [The Present Situation of Reindeer Herders and Reindeer Herding in Russia]. *Sever i severnyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii [North and Northerners. The present situation of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]*. Moscow, IEA RAS Publ., 2012, pp. 38–50. (In Russ.)
- Klovov K. B., Khrushchev S. A. *Olenevodcheskoe khozyaistvo korennykh narodov Severa Rossii: informatsionno-analiticheskii obzor [Reindeer husbandry of the indigenous peoples of the North of Russia: information and analytical review]*. St. Petersburg, 2004, Vol. 1, 182 p. (In Russ.)
- Korchmit V. A. *Olenevodstvo Koryakii: ehtapy razvitiya, perspektivy vozrozhdeniya [Reindeer breeding of Koryakia: stages of development, prospects of revival]*. Petropavlovsk-Kamchatsky, KSTU Publ., 2001, 439 p. (In Russ.)
- Koryakskii avtonomnyi okrug v tsifrakh [Koryaksky Autonomous Okrug in figures]*. Palana, Koryakskii okrstat Publ., 2003, 79 p. (In Russ.)
- Misinin V. M. *Nazad v budushhee ili poslednyaya kochevka? [Back to the future or the last nomadic?]*. 2011, available at: https://ecodelo.org/2736-nazad_v_budushchee_ili_poslednyaya_kochevka-prirodopolzovanie (date of access: 11.03.2017). (In Russ.)

Nazarenko V. I., Poptsov A. G. Gosudarstvennoe regulirovanie selskogo khozyaistva v stranakh s razvitoi rynochnoi ehkonomikoi [State regulation of agriculture in countries with developed market economies]. Moscow, Informagrobiznes Publ., 1996, 340 p. (In Russ.)

Narody Severa Rossii (1960–1980-e gg.) [The peoples of the North of Russia (1960–1980)]. Materialy k serii "Narody i kultury"; Vyp. XVIII [Materials for the series "Peoples and cultures"; Is. 18]. Moscow, Nauka Publ., 1992, Parts 1–3, 719 p. (In Russ.)

Oparin D. A. Chukotskii avtonomnyi okrug [Chukotka Autonomous Okrug] // *Sever i severiane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii [North and Northerners. The present situation of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia].* Moscow, IEA RAS Publ., 2012, pp. 203–221. (In Russ.)

Sibirtseva E. Goryachie spory v kholodnoi tundre [Hot disputes in the cold tundra]. *Kamchatskoe vremya [Kamchatka time].* 2013, available at: <http://kamtime.ru/node/2443> (date of access: 06.02.2017). (In Russ.)

Sirina A. A. Khozyaistvo i sotsialnaya sfera [Economy and social sphere]. *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka [Current position and prospects of development of small peoples of the North, Siberia and Far East].* Moscow, 2004, pp. 54–76. (In Russ.)

Sirina A. A. *Ot sovkhoza k rodovoi obshchine: sotsialno-ehkonomicheskie transformatsii u narodov Severa v kontse XX veka [From the state farm to the clan community: socio-economic transformations among the peoples of the North at the end of the twentieth century].* Moscow, IEA RAS Publ., 2010, 185 p. (In Russ.)

Stada i tundra! Migrantov Kamchatki zovut v pastukhi [Herds of the tundra! Migrants of Kamchatka call to the shepherds]. *Argumenty i fakty-Kamchatka [Arguments and facts-Kamchatka].* April 24, 2013. (In Russ.)

Stepura I. A oleni luchshe! [And the deer are better!]. *Rossiiskaya gazeta [The Russian Newspaper].* Is. 5387 (11), January 21, 2011. (In Russ.)

Vesti iz sel okruga [News from the villages of the district]. *Narodovlastie [Democracy].* October 11, 2008. (In Russ.)

Тураев Вадим Анатольевич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН
Россия, 690001, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 89
e-mail: v_turaev@mail.ru

Turaev Vadim Anatolievich

Candidate of Sciences (History),
Leading Researcher
Institute of History, Archaeology
and Ethnography of the Peoples of the Far
East FEB RAS
89, Pushkinskaya st., Vladivostok, 690001,
Russia,
e-mail: v_turaev@mail.ru